

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АФОРИСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В СОНЕТНОМ ТВОРЧЕСТВЕ У. ШЕКСПИРА

Процесс перевода литературных произведений в целом, и поэзии в частности, является достаточно проблематичным. В современной теории перевода критерием качества перевода является его функциональная адекватность оригиналу, суть которой заключается в следующем: перевод должен производить на читателя перевода такое же впечатление, какое производит оригинал на своего читателя. Таким образом, для определения степени адекватности перевода необходимо, во-первых, выявить наиболее значимые элементы текстовой ткани оригинала, элементы, придающие ему индивидуальность и неповторимость; во-вторых, определить их природу и функцию, а затем заняться анализом того, насколько полно и адекватно эти элементы переданы в тексте перевода.

Одной из ключевых особенностей сонетов Шекспира является их афористичность. Данная работа посвящена анализу семантико-синтаксических и функциональных особенностей различных афористических конструкций, присутствующих в сонетах, а также выявлению степени адекватности их передачи в переводах Маршака.

Под *афоризмом* будем понимать глубокую, стремящуюся к установлению истины мысль, выраженную в лаконичной и высокохудожественной форме, носящую вневременной характер, обладающую логико-семантической законченностью и синтаксической цельностью, контекстуальной независимостью, в основе которой может лежать поэтический образ или символ и все элементы которой выражены эксплицитно и полнозначно, например: *Пустой сосуд громче звенит*.

В случае шекспировских сонетов целесообразно говорить не об афоризмах, а об афористических конструкциях, поскольку в большинстве случаев афористические фразы сонетов не полностью отвечают всем параметрам афоризма. Они, например, могут сближаться с крылатыми фразами, которые в отличие от афоризма не обладают логико-семантической законченностью, так как их источником является какая-либо ситуация, степень эксплицитной выраженности которой может быть различной, например: *«Хотели, как лучше – а вышло, как всегда»*. Также афористические конструкции сонетов могут сближаться с максимами, особенность которых заключается в их практической направленности (преподносятся в виде советов-поучений), например: *«Чего не следует делать, не делай даже в мыслях»*.

Причина того, что число афористических конструкций, сближающихся с КФ и максимами, значительно превосходит число афористи-

ческих конструкций, напоминающих собственно афоризмы, заключается в том, что шекспировский лирический герой рассматривает все описываемые в сонетах ситуации не «сверху», то есть отстраненно и дистанцированно, а «изнутри», то есть с позиции их участника, например¹:

Therefore I lie with her and she with me,
And in our faults by lies we flatter'd be. (138).
O, learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit (23).

Среди сонетов, содержащих афористические конструкции, соответствующие параметрам собственно афоризма, можно выделить две подгруппы:

1) конструкции, занимающие две строки (как правило, двустипшие), но составляющие единый афоризм, например:

But flowers distill'd though they with winter meet,
Leese but their show, their substance still lives sweet (5);

2) конструкции, содержащие сразу пару относительно независимых друг от друга афоризмов; строки таких конструкций находятся в отношениях семантического дополнения, при этом одна и та же мысль высказывается в них на двух повествовательных уровнях: на уровне прямых значений слов и на уровне метафоры:

For sweetest things turn sourest by their deeds,
Lilies that fester smell far worse than weeds (94).

Кроме того, строки двойного афоризма находятся в отношении семантического дополнения: основание противопоставления 'lilies' and 'weeds' носит достаточно расплывчатый характер – 'fester smell'. Но значение этого выражения конкретизируется благодаря первой строке, в которой в качестве критерия оценки берутся 'deeds'.

Количество таких замков составляет большинство по отношению к числу замков, содержащих единый афоризм, поэтому наличие двух повествовательных пластов и отношения семантического дополнения между строками двойного афоризма можно считать структурно-семантическими особенностями шекспировских афористических конструкций.

Сопоставительный анализ оригиналов и переводов показал, что при переводе степень афористичности двустипший сонетов значительно увеличивается: количество сонетов, содержащих различного рода афористические конструкции, составляет примерно половину от общего числа сонетов, а количество сонетов, содержащих конструкции, схожие с афоризмами, увеличивается в 4 раза.

Отчасти такое повышение афористичности замков объясняется разницей между формальным строем английского и русского языков: в среднем английские слова значительно короче русских, следовательно, при одинаковой длине строк в английскую фразу можно вложить больший семантический объем. Таким образом, при переводе на рус-

ский язык трансформации неизбежны. При переводе замков шекспировских сонетов Маршак неоднократно прибегал к поиску смысловой доминанты высказывания и опущению семантически избыточных элементов оригинала, что привело созданию более четкой и лаконичной формулировки мысли и, следовательно, повышению уровня афористичности фразы.

В большинстве же случаев увеличение числа афористических конструкций связано с переводческим стилем Маршака, одной из характерных черт которого является стремление к большей ясности и четкости фразы. Эта тенденция выразилась в частности в замене элементов оригинала с более широким смыслом элементами с более конкретным значением, опущении семантически менее важных компонентов, восстановлении семантически значимых единиц оригинала, а также разбиванием сложных синтаксических конструкций сонетов-оригиналов на ряд более простых, что, в сочетании с другими преобразованиями, привело к увеличению числа афористических конструкций в основном тексте сонетов.

Различия между особенностями поэтического мышления Маршака и законами шекспировской поэтики особенно ярко проявились при переводе замков сонетов. Как уже было сказано, шекспировский лирический герой, во-первых, не мыслит себя вне описываемой ситуации, а во-вторых, он самодостаточен: сомневается, ищет истину, дает свою оценку происходящего, но никогда не апеллирует к общественному мнению для подтверждения истинности собственных рассуждений. Это выражается в наличии собственной, авторской, неповторимой формы афористического высказывания (два повествовательных пласта и семантическая связь между строками двойного афоризма), а также в органичности связи этого высказывания со всем текстом сонета. Для Маршака же характерно стремление к достижению большей степени общезначимости, коллективной выверенности излагаемых в сонете мыслей. В результате этого нарушается как органичность связи, так и структура шекспировского афоризма: разрушается связь между строками и опускается один пласт повествования – как правило, остается метафорический уровень изложения мысли, представляющий собой более высокий уровень обобщения, например:

For sweetest things turn sourest by their deeds;
Lilies that fester smell far worse than weeds(94).

Чертополох нам слаше и милей
Растленных роз, отравленных лилей.

В данном двустишии переводе подвергается лишь последняя строка; с одной стороны, это приводит к более лаконичной формулировке мысли, но с другой – пропадает семантически важный компонент оригинала – 'deeds'. Его значение в переводе выражено косвенным образом – «растленные» розы, «отравленные» лилии. Налицо семантический сдвиг.

Органичность связи нарушается:

1) из-за опущения в переводе отдельных соединительных элементов, или целых строк, связывающих имеющуюся в двустишии афористическую конструкцию с основным текстом сонета;

2) из-за смены в двустишии ракурса рассмотрения описываемой ситуации: в замке лирический герой начинает обобщать ситуацию не «изнутри», т.е. с позиции ее участника (формирование крылатой фразы), а «сверху», т.е. дистанцированно и отстраненно (формирование афоризма), например:

How like Eve's apple doth thy beauty grow,
If thy sweet virtue answer not thy show! (93)

Прекрасно было яблоко, что с древа

Адаму на беду сорвала Ева!

Все это вместе, то есть нарушение семантико-синтаксической связи афористических конструкций со всем текстом сонета и изменение структуры шекспировского афоризма, приводит к тому, что в переводе лирический герой начинает в своих размышлениях оперировать афоризмами, выражающими безликую истину в категоричной и однозначной форме. Таким образом, при чтении перевода складывается двойное впечатление: либо постоянная апелляция к коллективно выверенным истинам является особенностью мышления лирического героя; либо лирический герой сонетов-переводов абсолютно уверен в истинности высказываемых им суждений, и эта уверенность позволяет ему излагать свои мысли в столь категоричной и однозначной форме. Но в любом случае стиль мышления лирического героя сонетов-переводов отличается от стиля мышления шекспировского лирического героя.

Примечания

¹ В скобках указаны номера сонетов

© Н.Н. Мамаева
Екатеринбург

ТВОРЧЕСТВО ТОЛКИЕНА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Прежде всего, следует ответить на вопрос, о какой традиции идет речь? В нашей стране из всех английских сказочников наиболее известны имена А.А. Милна, П. Трэверс, Л. Кэрролла, Р. Киплинга. На первый взгляд, Толкиен не особенно укладывается в этот ряд. Действительно, что общего между забавными приключениями Винни-Пуха и его друзей и теми проблемами, перед лицом которых оказываются герои «Властелина колец»? Но если мы продолжим сравнение дальше, то параллели обнаружатся сами собой. Если Толкиен обращается к германо-скандинавской и кельтской мифологической традиции, то Памела Трэверс в своих шести